

Блаженные
Сергей Иванов **похабы**

Сергей
Иванов

Блаженные похабы

культурная история
юродства

Новое издание,
дополненное
и переработанное

издательство **АСТ**

Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И20

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Иванов, Сергей Аркадьевич

И20 Блаженные похабы. Культурная история юродства / СЕРГЕЙ ИВАНОВ. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 464 с.

ISBN 978-5-17-111103-8

Сергей Аркадьевич Иванов — профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, специалист по культуре Византии, популяризатор науки. Его книги и лекции обладают уникальной особенностью: они делают живыми и близкими вещи вроде бы нам знакомые, но не до конца понятные. “Блаженные похабы” не исключение. Здесь такое общеизвестное и вместе с тем загадочное явление, как юродство, рассматривается с точки зрения истории культуры.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-111103-8

- © С. Иванов, 2005, 2019
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Предисловие ко второму изданию</i>	9
<i>Предисловие к первому изданию</i>	12
<i>Введение</i>	17
Глава 1. Предтечи и питательная среда юродства	26
Глава 2. Монастырские симулянты	47
Глава 3. Блудники и попрошайки	60
Глава 4. Святой дебош	83
Глава 5. “Второе издание” юродства	106
Глава 6. “Новые богословы”	133
Глава 7. Балансируя на грани	146
Глава 8. Закат юродства	169
Глава 9. Древнерусское “похабство”	188
Глава 10. “Похаб” и царь	214
Глава 11. “Похабство” накануне Нового времени	233
Глава 12. Искоренение и неискоренимость юродства	262
Глава 13. Восточная периферия юродства	276
Глава 14. Западная периферия юродства	287
<i>Заключение</i>	306
<i>Примечания</i>	320
<i>Библиография</i>	403
<i>Указатель имен</i>	449

*Памяти Виктора Марковича Живова,
друга и собеседника*

Предисловие ко второму изданию

Моя первая книга “Византийское юродство” была опубликована в 1994 году. Ее главный пафос состоял в том, что юродивый — не феномен, а ноумен, если я даже и пишу “юродивый сделал то-то и то-то”, то это лишь упрощенный способ сказать, что окружающие про кого-то так говорят, считают, шепчутся, сам же этот “он” лишен субъектности, это персонаж чужих восторженных страхов. А вот человек, который такую субъектность обретает, должен именоваться юродствующим, то есть играющим роль юродивого. Поэтому бессмысленно задаваться вопросом, является ли “на самом деле” юродивым X или Y.

Объяснениями своими я добился лишь одного: когда бы и где бы мне ни приходилось за минувшую четверть века выступать и рассказывать о юродстве, первым вопросом, который мне задавали, неизменно было: а является ли юродивым X или Y? Под подозрение в юродстве могли попадать, в зависимости от интересов и кругозора аудитории, Сократ и Дон Кихот, простецы и эксцентрики, Григорий Распутин и Владимир Жириновский, даосы и кликуши, князь Мышкин и Дмитрий Шостакович, индийские тантрические йоги и индейские священные клоуны, Олег Кулик и “Пусси Райот”.

Чтобы избавить себя от необходимости и дальше отвечать (вернее, уклоняться от ответа) на этот вечный вопрос,

я предпринимаю последнюю попытку объясниться. Возьмем такое понятие, как “скандал”. Ведь это не драка, или адюльтер, или растрата — сами по себе. Это то ощущение, которое подобные деяния вызывают у определенного круга. Спровоцировать скандал, скандализовать — это нарушить некие нормы, а вернее, создать ситуацию, при которой невозможно долее делать вид, будто мы не знаем, что люди нарушают нормы. Чем строже нормы, тем громче скандал, и закономерно, что громче всех — великосветские и дипломатические. По мере демократизации общества скандалы все более монополизированы журналистикой. То есть скандал “живет” на людях, но отнюдь не на тех, которые в нем повинны, он немислим без общественной атмосферы, где качают головами, перешептываются, спорят, обсуждают, намекают, поджимают губы, смакуют подробности, отказываются подавать руку и т. д. Вторичное, производное значение “любая, в том числе и непубличная ссора” развилось в русском языке довольно поздно, едва ли не в XX веке (видимо, потому, что люди стали жить кучнее и вовсе тайных ссор не бывает), а вот, скажем, в английском языке этого второго значения и вовсе нет.

К чему это я? Юродство существует постольку, поскольку оно тревожит, берedit и — да: скандализует, взрывает общепринятые нормы. В этом оно подобно скандалу, иногда просто совпадает с ним (в дальнейшем мы убедимся, что совпадение отнюдь не случайно, но сейчас разговор не об этом).

Как писал Маяковский:

я,
 каюсь,
 во храме
 рвусь на скандал,
 и крикнуть хочется:
 — Вон!

Ведь это мог бы сказать про себя Симеон Эмесский, который так часто поминается в моей книге. Но только в таком случае он сразу перестал бы быть юродивым.

И вот тут коренится главное различие: юродство есть представление, но только не площадное, а умственное. Нельзя сказать “я — юродивый”, можно лишь: “он — юродивый”. Юродство есть аура, зыблящееся облако страхов, комплексов, сомнений, ожиданий, надежд и восторга, а что там, внутри, “на самом деле”, разглядеть по определению невозможно: ведь, как замечательно сформулировал Павел Флоренский, “когда некоторое поведение можно с уверенностью определить как юродство, это есть верный признак, что данное явление не есть юродство”^{*}.

Скандал живет общественной реакцией — но скандалист реален. Короля на театре “играет” свита, но кто-то из статистов все же должен нахлобучить картонную корону. Юродивый, если он не литературный персонаж, даже и не знает, что его “играют”. Он растворен в своей функции. Он — скандал без скандалиста.

Сказанного достаточно, чтобы читатель уже понял, что данная монография написана в сугубо светской парадигме. Поэтому я убедительно прошу воздержаться от дальнейшего чтения всех, чьи религиозные чувства могут быть оскорблены. Ну или скандализваны.

Москва, 1 июня 2019 г.

^{*} Флоренский П. *Сочинения в четырех томах*. М: (Мысль, 1994–2000), т. 2. 1996, с. 61.

Предисловие к первому изданию

Полтора года назад британское издательство *Oxford University Press* предложило перевести и издать мою книгу “Византийское юродство”, опубликованную в Москве в 1994 году. Поначалу мне казалось, что от меня потребуются усилия лишь библиографического свойства: за минувшее десятилетие в разных странах появилось не менее пяти ученых монографий, десятки статей и множество новых изданий и переизданий источников, так или иначе затрагивающих феномен юродства. Конечно, все это нужно было учесть, однако такого рода работа не представлялась чем-то особо сложным: ведь после выхода монографии не перестаешь интересоваться предметом — наоборот, постоянно прикидываешь, чем бы еще можно было украсить книгу. Так что следить за литературой я никогда не переставал.

Разумеется, при подготовке к новому изданию следовало также принять во внимание и те читательские отзывы, которые мне удалось получить со времени публикации “Византийского юродства”. В частности, на монографию вышло двенадцать рецензий в семи странах, и многие из них содержали глубокие и ценные мысли. Наконец, мне казалось, что неизбежные трудности возникнут при попытке передать на иностранном языке те понятия, которые глубоко укоренены в родной почве и не имеют однозначных аналогов в других культурах.

Но когда я, десять лет спустя после выхода книги, уселся перечитывать ее подряд, скоро стало ясно, что все вышеупомянутые проблемы ничто по сравнению с главной: мне не нравилось мое собственное сочинение. Что-то казалось неуместно пафосным, что-то некритически переписанным у других. Почти все нуждалось в нюансировании, а кое-что и в полном пересмотре.

И я начал переписывать книгу. Одни переделки влекли за собой другие, я тянул с передачей рукописи в Оксфорд и мучал своего переводчика постоянными просьбами перевести заново то один, то другой пассаж. В результате получилась совершенно новая книга, и мне показалось уместным издать ее не только по-английски, но и по-русски: она вдвое больше предыдущей и сильно отличается от нее методологически.

Дело не только в том, что общее количество юридических, найденных мною в средневековых источниках, выросло по сравнению с “Византийским юродством” чуть не вполвину: важнее, что я задался вопросами, которые десять лет назад почему-то не приходили в голову: кто из тех, кого именуют юродивыми, суть мифологические персонажи, кто — живые люди, поддельвающиеся (одни искренне, другие корыстно) под этих персонажей, кто — безумцы, чья болезнь угодила под благочестивую интерпретацию, и, наконец, кто те авторы, от которых мы все это узнаем, чего они хотят и на какую читательскую реакцию рассчитывают.

Культурная ситуация юродства на поверку вышла гораздо сложнее, чем мне когда-то представлялось: мало того что даже по самим христианским правилам игры юродивый постоянно должен что-то изображать — те, кто изображает юродивых, практикуют лицедейство в квадрате, а те, кто нам все это изображает художественными средствами, в кубе! Эта зеркальная анфилада изображений уходит в бесконечность, и мне теперь весьма странно, что раньше я довольствовался термином “юродивый”, словно понятной и все разъясняющей музейной биркой.

Отдельно надо сказать, что в новом варианте совершенно изменена древнерусская часть монографии; она настолько расширилась, что теперь уже невозможно игнорировать ее в заголовке. По этой и всем другим поименованным причинам книга называется “Блаженные похабы. Культурная история юродства” без конкретной географической привязки.

Последнее принципиальное обновление библиографии стало возможно благодаря моей двухмесячной командировке в Мюнхен (2003–2004 гг.) по стипендии *Alexander von Humboldt-Stiftung*. Концептуальное же обновление книги было бы затруднительным, если бы коллеги не делились со мною своей эрудицией. В первую очередь я благодарен В. М. Живову, Л. В. Мошковой, О. С. Поповой, Э. С. Смирновой, Б. Н. Флоре и С. Франклину, но особенно признателен А. А. Турилову, без чьих энциклопедических познаний и бескорыстной готовности помочь русская часть монографии вряд ли могла бы состояться.

Публикация книги стала возможна благодаря издательскому гранту РФФИ.

С. А. ИВАНОВ
Москва, 28 июня 2005 г.

Мой друг, ты спросишь, кто велит,
Чтоб жглась юридиково речь!
В природе лип, в природе плит,
В природе лета было жечь.

Б. ПАСТЕРНАК